

РОССИЙСКОЕ НЕОЭТАКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО СТРАТИФИКАЦИЯ

Автор: О. И. ШКАРАТАН, Г. А. ЯСТРЕБОВ

ШКАРАТАН Овсей Ирмович - доктор исторических наук, ординарный профессор Государственного университета - Высшая школа экономики, главный редактор журнала "Мир России".

ЯСТРЕБОВ Гордей Александрович - магистр экономики, стажер-исследователь Центра фундаментальных исследований ГУ-ВШЭ.

Социально-экономические отношения в современной России

Внутри евразийской цивилизации и на ее основе сформировалась и развивалась этакратическая социетальная система¹ (советская квазисоциалистическая), которая стала параллельной ветвью капиталистической индустриально-экономической системы, но с собственными законами функционирования и развития. Об этом социально экономическом порядке писали многие авторы, но его латентные характеристики и поныне недостаточно осмыслены. Проблема в том, что когда в странах ЦВЕ этот порядок полностью или по большей части ушел в прошлое, в России он изменился, трансформировался, но сохранился как неоэтакратизм. Другими словами, России не удалось выйти из ограничившего ее включение в мейнстрим мирового развития этакратической закрепленности. После распада СССР, в отличие от стран Восточной Европы и Балтии, в России не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики, демократии и гражданского общества. В социально-экономической жизни современной России наличествуют два разнородных типа социально-экономических отношений, которые сосуществуют, взаимодействуют и в совокупности образуют качественно новое явление в истории страны. При доминировании не сошедшего со сцены этакратизма в России как бы на вторых ролях функционирует частнособственническая экономика с интенцией к формированию свободно-рыночного хозяйства.

После короткого периода неопределенности бюрократия и силовые структуры, объединенные через "вертикаль власти", вновь стали основными акторами экономической и политической сцены и подчинили себе крупный российский бизнес. Более

¹ Концепция этакратизма, как объясняющая природу обществ советского типа раскрыта О. И. Шкаратаном в книге "Российский порядок: вектор перемен" (М.: ВИТА-ПРЕСС, 2004).

привычными становятся крупные государственные компании с многочисленными миноритарными акционерами, практически исключенными из управления. И, несмотря на ярко выраженные черты этакратизма, в стране одновременно существуют зачатки частной собственности и рыночной экономики.

Присущие этакратическому обществу отношения "власть-собственность", хотя и взаимодействуют с частнособственническим бизнесом по существу остаются неизменными. Бизнес как носитель свободно-рыночных отношений, подмят государственно-бюрократическими структурами. Последние успешно управляют как государственными монополиями, так и частными, обеспечивающими "вертикаль" неозтакратического устройства страны. В России продолжились и восторжествовали отношения дистрибуции (в терминах К. Поланьи) или раздатка (в терминах О. Бессоновой), а не цивилизованного рынка. Те, кого "уполномочили" стать миллиардерами в 1990-е гг., обменяли возможность непосредственного участия в политическом процессе на иллюзию сверхбогатства, обеспечиваемого исключительно лояльностью государству. Эти люди - опора сегоднешнего режима. Мы утверждаем, что подобный социетальный порядок может быть охарактеризован как неозтакратизм. В этом специфическом социально-экономическом порядке и социальное неравенство, и весь строй социально-групповых отношений, и стратификационная иерархия носят специфический характер. Несмотря на взаимодействие с другими системами, столетиями внутри этого устойчивого этакратического порядка в трансформированном виде воспроизводилась сословная иерархия. Эта иерархия была охарактеризована В. Ключевским. В сословной системе группы различаются юридическими правами, которые, в свою очередь, жестко связаны с их обязанностями и находятся в прямой зависимости от них. Они же являются основой дифференциации. Причем, под обязанностями имеются в виду обязательства перед государством, закрепленные в законодательном порядке. Способ детерминации различий - правовое оформление. Это, в первую очередь, юридическое, а не этническо-религиозное или экономическое деление. Принадлежность к сословию передается по наследству, но не строго, что способствует относительной открытости данной системы [1].

Надо заметить, что попытки включения средневековой Руси в число стран феодального типа были предприняты под давлением идеологов советского режима. Однако в традициях исторической школы, олицетворяемой такими именами, как С. Соловьев, В. Ключевский, П. Милуков, Г. Вернадский, подчеркивалась специфика социально-культурного пространства России по сравнению с Западной Европой. Отрицалась правомерность переноса понятийного аппарата западноевропейской медиевистики на реалии русских средневековых институтов [2]. Аграрная революция начала XX в., сняв тонкий налет европейского гражданского права, вернула ситуацию к историческим архетипам служилого государства со свойственным ему огосударствлением земельного ресурса, полным растворением частного права в публичном. На этой основе стало возможным фактическое восстановление квазисословной системы, закрепощение сословий государством, формирование особого служилого слоя (номенклатуры) в СССР [3, с. 75].

Современная неозтакратическая система расширила эту сословную иерархию, дополнив ее классовой дифференциацией, основанной на частной собственности и рыночных отношениях, включая рынок труда. *Анализ сосуществования социального неравенства и дуализма социальной органики современной России является центральной проблемой нашего исследования.*

В то же время следует иметь в виду общность социально-технологических оснований всех позднеиндустриальных и постиндустриальных (информационных). Поэтому мы приняли во внимание и проверили на однородность и адекватность наиболее развитые в западной социологической практике классификации (Д. Голдторп, О. Э. Райт и т.д.), которые недавно обсуждались в череде научных дискуссий [4 - 11]. Общее мнение сводится к тому, что разделение на классы - не произвольное агрегирование профессий или индивидов. Оно имеет прочный концептуальный фундамент. В развитых странах, о которых идет речь, виды и роды занятий связаны с институциональной си-

стемой общества и социальной закреплённостью ценностей и норм, передающихся от поколения к поколению. Выделенные соответствующим образом классы реальны и выступают в качестве фундаментальных единиц эксплуатации, что, в свою очередь, в значительной степени сказывается на характере неравенства в доходах, способе распределения собственности и различиях в жизненных шансах. Таким образом, выделение ("конструирование") классов имеет прочный концептуальный фундамент.

Эта точка зрения выражена В. Ильиным, который утверждает, что классы присущи исключительно капиталистическим системам. Классовая структура есть отображение распределения власти в соответствии с логикой рынка труда и капитала. Формирование классов является неотъемлемой частью процесса перехода (возврата) к капитализму [12].

Принципиальная разница исследовательских задач заключается в том, что мы изучаем социальное неравенство и социальные группы в этакратическом обществе, где, как отмечалось, переплетаются доминирующие сословно-слоевые членения с прото-классовыми, возникающими на основе распределения занятого населения по социально-экономическим нишам рынка труда. В то же время, России присущ технико-технологический порядок, который объединяет сосуществующие в мире цивилизации. Он порождает профессионально-квалификационное разделение труда. Последние имеют два аспекта: технико-технологический и социально-экономический. Социально-экономический аспект разделения труда обуславливает, с одной стороны, социально-профессиональную стратификацию. С другой стороны, опосредованный рынком труда и реального неравенства, он служит источником формирования классов в странах атлантического ареала. В России же мы имеем дело именно с занятиями, различающимися характером (т.е. содержанием и условиями) труда, а не их качественными статусными характеристиками.

Поэтому при разработке индикаторов моделирования реальных (гомогенных) социальных групп мы учитывали специфику социально-экономических отношений, включая особенности национального рынка труда. Кроме того, мы принимаем во внимание тот факт, что изучаем реальные группы в нестабильном трансформирующемся обществе, где их "список" и параметры могут также находиться в "движении".

Исходя из неразвитости теории неэтакратизма, мы предприняли попытку построить, вычленив из выборочной совокупности реальные (гомогенные) группы с целью их последующей интерпретации, не высказывая предварительных предположений об их характере и размещении в социальном пространстве.

Принципы выделения реальных (гомогенных) групп

На новом этапе развития России мы возвращаемся к вопросу, который активно обсуждался в 1960-е - начале 1970-х годов. Тогда социологи в противовес официальной доктрине об эгалитарном строении советского общества активно выдвигали концепции социального неравенства, доказывали невозможность сведения его социальной структуры к формуле "два класса + интеллигенция" и занимались поиском естественного, реального набора относительно однородных социальных групп, состоящих из людей с более или менее сходными характеристиками. Именно в этом контексте Л. А. Гордон с коллегами выявил социально-демографические группы, применив кластерный анализ. Он писал, что "...природа объектов социальной классификации сводит проблему выделения элементов, составных частей социальной структуры (по крайней мере, при нынешнем уровне развития теории) к поиску естественного, реального набора относительно однородных социальных групп, состоящих из людей с более или менее близкими, сходными характеристиками, на которые распадаются люди (носители этих характеристик) в реальной действительности" [13, с. 115]. Примерно в те же годы получили значимые результаты по обнаружению реальных компонентов

социальной структуры Т. И. Заславская и Н. Г. Загоруйко с соавторами, и один из авторов данной статьи совместно с И. Н. Тагановым [14; 15].

Теперь, когда очевидно, что трансформационные процессы идут совсем не по ожидавшемуся пути складывания буржуазного общества западного типа, а каким-то особым образом, снова возник вопрос о реальности социальных групп (слоев, классов), которыми оперируют социологи и политологи, опираясь на свои теоретические конструкты и на реалии демократических стран с устоявшейся стратификационной иерархией. В связи с этим и возникла идея вернуться к исследованиям социальной дифференциации современного российского общества для выявления в нем реальных социальных совокупностей.

Р. Мертон определяет "группу" как совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к ней и считаются ее членами с точки зрения других [16]. Но такие характеристики свойственны первичным и лишь в известной мере вторичным группам. Однако в нашем случае речь идет о других социальных группах, которые вернее было бы назвать социальными общностями. Это социальные классы и слои, которые являются единицами макросоциальной, а также мезосоциальной структуры территориальных общностей (города, агломерации и т.д.).

Большие социальные группы (общности) состоят из индивидов со сходным социальным статусом. Это, можно сказать, размытые топологические множества, нечто вроде лесов, не имеющих четких границ, переходящих один в другой через еле заметные перелески. Например, квалифицированные и неквалифицированные работники, горожане и селяне, собственники и наемные работники. Ведь только в статистических таблицах эти членения выглядят как четкие группировки с жесткими границами.

Социальные общности (группы) можно разделить на номинальные (они же статистические) и реальные. Исследователи чаще имеют дело с номинальными группами, т.е. совокупностями людей, выделяемых по признакам, имеющим смысл для конкретного исследования (например, группы по полу, возрасту, уровню дохода или комбинации нескольких поддающихся измерению характеристик). Не случайно номинальные группы именуется также и статистическими, чем подчеркивается, что они не предполагают обязательных и тем более непосредственных связей между относимыми к ним индивидами, а также не раскрывают сущностную сторону отношений между людьми, связывающих их. Например, при выделении горожан как номинальной (статистической) группы к ним относят людей, живущих в поселениях, формально зарегистрированных как города.

Реальные же группы (общности) в противоположность статистическим (номинальным) группам, выделенным по отдельно взятому признаку, это социальная целостность, характеризующая общностью условий существования, причинно взаимоувязанными сходными формами деятельности в разных сферах жизни, а также общими социальными нормами и ценностями, стилем жизни. В их состав входят индивиды со сходными параметрами властных полномочий, владения собственностью, человеческого, культурного и социального капиталов; они обладают сходными потребностями и интересами, общими социальными нормами и ценностями; взаимной идентификацией и механизмами самоорганизации; сходной мотивацией; символами; стилем жизни. Поэтому к реальным группам вполне применимо наименование "гомогенные группы".

Реальные группы (классы, слои) выступают субъектами и объектами реальных отношений (власти, эксплуатации и т.д.). Для них характерны гомогенность по основным статусным характеристикам, способность к самовоспроизводству, обеспечивающая репродуцируемость ядра группы, и отличная от других групп совокупность социальных связей. Реальные группы (общности) выступают основными компонентами стратификационной системы общества, т.е. занимают социальную позицию в зависимости от функциональной роли, исполняемой в обществе. Эта роль предопределяет ресурсы/блага, которыми располагает (контролирует, присваивает) группа в отличие от других групп (власть, собственность, человеческий, культурный, социальный, символический капиталы и т.д.).

Нашему подходу к категории "реальная группа" близка позиция социолога из США Питера Бло. По его мнению, группа - это "класс" людей, члены которого коллективно взаимодействуют больше друг с другом, чем с людьми извне. Они не обязательно находятся в прямом контакте как члены первичных групп. Многочисленные исследования подтверждают, что, ролевые отношения между руководителями и подчиненными отличаются от отношений между последними, и что различия в социально-экономическом статусе препятствуют дружеским отношениям и складыванию брачных связей. Дружеские отношения преобладают между членами одной и той же группы (этнической, класса, слоя) [17].

Известную сумятицу в проблему изучения реальных социальных групп внесли труды Пьера Бурдьё, который, в противовес большинству исследователей, не признавал возникающие в социальном пространстве группы "реальными классами", рассматривая их лишь как "возможные классы". При этом он подчеркивал: "Класс существует в той и лишь в той мере, в какой уполномоченное лицо, наделенное plena potentia agendi (властными полномочиями - О. Ш., Г. Я.) может быть и ощущать себя облеченным властью говорить от своего имени - в соответствии с уравнением: "Партия - есть рабочий класс", а "Рабочий класс - есть партия"..." [18, с. 91]. Другими словами, по Бурдьё, группа определяется через того, кто говорит от ее имени. Эта позиция видного французского социолога доведена до крайности его последователями Ю. Качановым и Н. Шматко. Заклучая свою статью, они пишут: "Социальные группы не существуют, реальны лишь социальные отношения" [19, с. 103]. Заметим, что при тщательном прочтении этой статьи можно найти и высказывания, повторяющие суждения П. Бурдьё, из коих следует, что все же группа при необходимых и достаточных условиях может существовать "в деятельном состоянии группы-для-себя, готовой к борьбе за сохранение и/или развитие своей социальной позиции" [19, с. 95].

Методы выделения социально-профессиональных групп

Мы поставили задачу, опираясь на материалы представительных опросов, с целью изучения социальной стратификации и ее динамики, получить реальную сбалансированную картину расслоения населения по группам, представители которых попали в число респондентов. Опросы проводились в январе 1994 г., повторно в ноябре 2002 г. и декабре 2006 г. под руководством О. И. Шкаратана. (Более полно методика исследования изложена в: [20; 21]). Опросами охвачены представители экономически активной части населения, включенные в рынок труда. Следовательно, пенсионеры, инвалиды, студенты, как одиночки, так и образующие самостоятельные семьи, в состав респондентов не входили. В выборку не включены оказавшиеся на социальном дне и наиболее продвинутые члены общества. Но для целей исследования это не представлялось критичным, поскольку задача состояла в выявлении социально-экономической дистанции между основными слоями нашего общества.

Что касается элитарных групп населения или, согласно другой терминологии, высших слоев, то кроме качественных исследований практически нет серьезной систематической информации об этих группах. "Рублевки" в Подмоскowie и в окрестностях крупных городов, где сосредоточены достаточные сограждане страны, фактически для социологов недоступны. Доходы наиболее высокооплачиваемых членов общества непрозрачны. Не лучше обстоит дело и с возможностями собрать статистически обоснованные данные по социальным аутсайдерам типа бомжей. Поэтому мы можем более или менее точно отразить дифференциацию только основной части населения, без его полярных групп.

Для кодирования занятий респондентов были применены три шкалы. Первая и основная - РГ-100, что означает объединение всех встреченных видов занятий в 100 категориях, условно названных "рабочие группы". Эта составленная нами шкала явилась исходной для последующих агрегаций с учетом других переменных, служащих компонентами интегральной шкалы. Шкала РГ-100 отражает близость занятий по со-

держанию и условиям труда. Кроме того, были сконструированы укрупненные группировки, условно названные по числу позиций ПСГ-15 и ВСГ-21. ПСГ - постоянные социальные группы (номенклатура слоев представлена далее в табл. 3, с. 21). Под ними подразумеваются крупные социально-профессиональные группы (например, работники квалифицированного физического труда). В шкалу ВСГ-21 (временные социальные группы) включаются наряду с вошедшими в группы по шкале ПСГ-15 и те, кто на момент опроса не является экономически активно занятым (например, неработающие пенсионеры, школьники, безработные и т.д.). Подробнее о методике классификации см. в [21, с. 27 - 29].

В европейской неовеберинской (доминирующей) традиции общепринято конструировать социальные классы после известной классификации ISCO 88 (International Standard Classification of Occupations 1988). В мировой практике эмпирических социологических исследований используется весьма ограниченный набор индикаторов социального положения людей, их принадлежности к социальной группе (классу, слою и т.д.). И среди этих социальных индикаторов особое место занимает вид/род занятий. Последний выступает как синдром свойств, характеристик социальных субъектов. В названиях занятий "зашифровано" множество характеристик видов экономической активности, заключена совокупность качеств, навыков и умений, знаниями, которыми должен обладать индивид как актор данного вида деятельности. Это высоко информативный показатель. Объединение определенных "профессий" в социальные классы в европейском подходе основано на том, что последние сложились как социальный институт и воспринимаются как реальные социальные группы [22]. Есть, по крайней мере, два существенных ограничения. *Первое* связано с тем, что зачастую конкретные виды экономической активности обладают меньшей исторической стабильностью, чем социальные классы, слои, к которым они принадлежат. Социальные классы в своем воспроизводстве меняют круг "присваиваемых" ими видов занятий, сохраняя характер родов занятий. *Второе* ограничение связано с Россией, ее историей. Речь идет о связи видов и родов занятий с институциональной системой общества и социальной закреплённостью общностями ценностей и норм, передающихся от поколения к поколению. В России же мы имеем дело именно с занятиями, различающимися характером (т.е. содержанием и условиями) труда, а не качественными статусными характеристиками, выработанными принадлежностью к одной профессии. Отсюда вытекает "рыхлость" ее структуры с неустойчивыми занятиями и престижностями.

В нашей практике мы производили отнесение того или иного вида занятий к социальному классу/слою на основе экспертных оценок с учетом таких характеристик, как 1) соотношение исполнительских и организаторских функций; 2) степень многообразия функций, нестереотипности, творчества, эвристичности; 3) степень самоорганизации в труде; 4) экономическая оценка сложности труда на рабочем месте (на основании показателя "уровень образования"); 5) социально-экономическая оценка измеряемой рабочей позиции (на основании показателя дохода).

Наша классификация респондентов по социальным позициям, с одной стороны, является прямым продолжением и развитием собственного подхода, отраженного еще в публикациях 1970-х годов [23; 24; 25, с. 81; 26, с. 97 - 100]. А с другой - находится в русле доминирующей европейской научной традиции последних двух десятилетий.

Мы осуществили выделение реальных социальных групп в социальной структуре российского общества. Этапы реализации проекта состояли в выделении социальных совокупностей, гипотетически являющихся реальными группами, и сопоставления их критериев для оценивания степени однородности.

Социально-профессиональные группы как псевдореальные

Для сопоставления социальной структуры современного российского общества с социальной структурой европейских стран мы использовали материалы Европейского социологического обследования [<http://ess.nsd.uib.no>] и провели сравнение на основе

Таблица 1

Классы в схеме Голдторпа-Эриксона-Протокареро

I	1-й класс служащих (профессионалы, руководители и чиновники высокого уровня; менеджеры крупных промышленных предприятий; крупные бизнесмены). Высший класс.
II	2-й класс служащих (профессионалы, руководители и чиновники среднего уровня; высококвалифицированный технический персонал; менеджеры небольших промышленных предприятий; супер-вайзеры работников нефизического труда). Высший класс.
IIIa	Работники нефизического труда (в торговле и сфере обслуживания). Промежуточный класс.
IIIb	Работники нефизического труда низкой категории (в торговле и сфере обслуживания). Промежуточный класс. Относится к рабочему классу в теоретической модели Голдторпа.
IVa	Самозанятые с наймом (мелкие предприниматели, ремесленники и так далее, использующие наемный труд).
IVb	Занятые индивидуальной трудовой деятельностью (мелкие предприниматели, ремесленники и так далее, не использующие наемный труд). Промежуточный класс.
IVc	Самозанятые сельскохозяйственные работники (фермеры, крестьяне и т.д.). Промежуточный класс. В некоторых схемах относится к обособленной страте сельскохозяйственных работников (вместе с IIIb).
V	Супервайзеры работников физического труда, малоквалифицированный технический персонал. Дно промежуточного класса.
VI	Квалифицированные рабочие. Рабочий класс.
VIIa	Неквалифицированные рабочие. Рабочий класс.
VIIb	Рабочие в сельском хозяйстве. Рабочий класс (вместе IVc).

Таблица 2

Социальная структура России в сравнении с другими странами (по схеме ГЭП) (% по строке)

Страны	Социальные слои/классы										
	I	II	IIIa	IIIb	IVa	IVb	IVc	V	VI	VIIa	VIIb
Россия	8,4	18,0	7,4	8,6	2,7	1,4	0,3	5,3	28,4	16,2	2,9
Чехия	7,9	19,6	13,8	7,4	3,2	6,0	0,9	4,7	17,4	16,2	3,0
Венгрия	11,9	16,8	8,0	8,8	6,0	6,0	2,0	3,1	15,6	18,8	3,1
Польша	10,6	17,6	9,1	5,8	3,9	5,0	13,1	3,5	14,3	16,1	1,1
Словения	15,6	19,5	14,3	7,8	5,2	1,3	1,3	6,5	15,6	11,7	1,3
Германия	10,8	22,1	19,4	10,2	3,3	3,1	1,0	4,3	13,3	11,8	0,6
Испания	8,2	19,4	4,3	12,4	4,7	5,8	2,9	2,7	13,6	21,3	4,9

Источник: [27]. Расчеты по России выполнены на материале опроса экономически активного населения Россия в 2002 г.

применяемой схемы Голдторпа-Эриксона-Протокареро (ГЭП). "Список" социальных классов по этой схеме выглядит следующим образом: два высших служебных класса (service classes), включающих профессионалов, топ-менеджеров, чиновников, а также крупных и средних бизнесменов; затем работники нефизического труда средней и низшей категорий; самозанятые, супервайзеры, квалифицированные и неквалифицированные рабочие, сельские работники и фермеры (см. табл. 1). Данная таблица при некоторой концептуальной близости несколько отлична от нашей. Здесь в качестве ключевых критериев группировки используются профессиональная принадлежность индивидов (их схожесть по роду занятий), характер занятости и тип трудового контракта.

В свою очередь, мы соответствующим образом сконструировали классы ГЭП-схемы на основе классификатора РГ-100 в целях сопоставимости (таблицу перевода группировки РГ-100 в ГЭП см. в [21, с. 66 - 67]). Сводная информация о социальной структуре рассматриваемых стран представлена в табл. 2.

Первое, что бросается в глаза при анализе рассматриваемых стран, крайне малая доля самозанятых в России (4,4%) на фоне более высокой доли в европейских странах.

Таблица 3

Динамика социально-профессиональной стратификации в России (в % по столбцу)

Социально-профессиональные слои	1994	2002	2006
Предприниматели	2,6	4,4	4,0
Управляющие и чиновники высшего звена	1,3	0,7	0,9
Управляющие и чиновники среднего звена	1,3	1,6	1,6
Управляющие и чиновники низшего уровня	7,5	7,2	7,6
Высококвалифицированные профессионалы	8,2	3,5	4,2
Профессионалы с высшим образованием	18,6	14,3	12,5
Работники со средним специальным образованием	19,1	14,1	11,7
Технические работники (в сферах бытовых услуг и организации управления)	3,5	10,9	9,8
Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	25,2	26,8	32,4
Не- и полуквалифицированные рабочие	12,7	16,7	14,1
Самозанятые	-	-	1,2
Итого	100	100	100

Примечание: Расчеты выполнены на материалах опроса экономически активного населения России в 1994, 2002, 2006 гг.

Так, в следующей по данному показателю стране за Россией, Германии, их доля составляет 7,4%. Это свидетельство того, что за 15 лет перехода страны к рыночной экономике, в России так и не сложилась группа мелких предпринимателей и работников, занятых индивидуальной трудовой деятельностью, тогда как в ряде восточно-европейских государств она является достаточно многочисленной (8%-22%).

Довольно большую часть занятых продолжают составлять квалифицированные рабочие, причем эта группа значительно преобладает над группой неквалифицированных рабочих; в европейских странах их соотношение является более или менее выровненным. Преобладание рабочего класса в России (44,6%) объясняется наследием крупного промышленного комплекса, доставшегося от советской экономики. Наряду с этим относительно низкой остается доля тех, кого условно ГЭП относит к 1-й высшей группе - верхнему классу (8,4%).

Таким образом, в отличие от стран, демонстрирующих начала информационной экономики (стремление к преобладанию высококвалифицированных профессиональных групп в структуре общества, замещению физического труда преимущественно интеллектуальным), социально-профессиональная структура России, свидетельствует о том, что страна пребывает в стадии позднего индустриализма с характерным преобладанием рабочих и низкими показателями доли профессионалов и квалифицированных управляющих.

Направленность отмеченной тенденции подтверждают данные первой волны Европейского социального обследования (ESS), проведенной в России Институтом сравнительных социальных исследований (ИССИ). Согласно этим данным Россию на фоне большинства европейских стран характеризуют крайне низкие показатели доли предпринимателей и самозанятых (5%). При этом формально высокая доля представителей так называемого нового среднего класса (профессионалов и наемных менеджеров) не может являться критерием успешной модернизации нашей страны, поскольку большая часть соответствующих работников сосредоточена за пределами инновационных отраслей экономики [28].

В табл. 3 приводятся показатели внутренней динамики социальной стратификации российского общества. При общей стабильности на протяжении 13 лет в рассматриваемой социально-профессиональной структуре происходят некоторые подвижки. Во-первых, в период с 1994 г. по 2002 г. наблюдалось некоторое увеличение доли предпринимателей, после чего к 2006 г. она стабилизировалась на крайне низком уровне -

Таблица 4

Владение собственностью в разрезе нескольких социально-профессиональных групп (в % от представленной группы)

Социальные слои/классы	Доля владеющих фирмой/предприятием			Доля имеющих ценные бумаги (кроме ваучеров)		
	1994	2002	2006	1994	2002	2006
Предприниматели	42,6	57,0	82,6	20,5	4,7	21,8
Управляющие и чиновники высшего звена	12,0	28,6	38,1	31,4	14,3	45,0
Управляющие и чиновники среднего звена	9,0	12,5	8,3	41,5	12,5	11,1
Высококвалифицированные профессионалы	5,6	3,0	6,2	27,8	9,0	11,3
Профессионалы с высшим образованием	6,9	3,3	2,1	18,9	8,7	8,5
Технические работники (в сферах бытовых услуг и организации управления)	3,6	2,9	1,8	23,2	3,3	3,2
Квалифицированные рабочие	3,9	0,6	1,6	20,0	8,0	5,0
Не- и полуквалифицированные рабочие	10,1	0,7	1,4	27,2	4,7	2,8
Работники квалифицированного и малоквалифицированного труда в сельском хозяйстве	3,4	2,3	5,8	16,6	13,6	4,3

4%. Заметно резкое снижение доли высококвалифицированных профессионалов после 1994 г. (практически в два раза), связанное с масштабной иммиграцией в развитые страны (масштабы, характер и причины этой миграции рассмотрены в монографии [29], частично переведенной в [30]).

Заслуживают обсуждения данные о динамике и доле в составе работающего населения профессионалов (учителей, врачей, инженеров), относящихся по большей части к так называемым "бюджетникам". Доля этой социально-профессиональной группы уменьшалась на протяжении всего постсоветского периода [31].

В связи с некоторым оздоровлением промышленности после спада в начале 1990-х гг. наблюдается довольно стабильный рост доли квалифицированных рабочих. В целом же, несмотря на некоторые (некардинальные) изменения, которые социально-профессиональная структура общества претерпела преимущественно в период с 1994 по 2002 гг., в ее развитии по-прежнему не ощущается структурных сдвигов в направлении к информационной экономике, экономике знаний. Кроме того, судя по тому, что после 2002 г. смещения минимальны (колебания могут быть вызваны присутствием статистической ошибки), можно предположить, что структура практически устоялась.

Таким образом, в отличие от стран, демонстрирующих начатки информационной экономики (стремление к преобладанию высококвалифицированных профессиональных групп в структуре общества, замещению физического труда преимущественно интеллектуальным), социальная структура в России свидетельствует о том, что страна пребывает в стадии позднего индустриализма с преобладанием рабочих и низкими показателями доли профессионалов и квалифицированных управляющих. Если динамика социально-профессиональной структуры российского общества, будучи производной от процессов экономико-технологической модернизации, демонстрирует стабильность и консервативность, то совсем иначе выглядит структура населения в контексте развития института частной собственности.

Рассмотрим владение различными типами собственности (табл. 4). В целом довольно схожее распределение доли владеющих предприятиями наблюдается по всем опросам. В существенном отрыве от основной части населения по данному показателю закономерно пребывают "верхние слои", включающие предпринимателей и руководителей высокого уровня. По мере перехода от вершины взятой нами социальной

иерархии к более низким группам эта доля существенно снижается. Также заметным является усиление дифференциации в 2006 г. по сравнению с предыдущими годами. Примерно аналогичную картину можно наблюдать и при рассмотрении доли владеющих ценными бумагами; заметно "проседание" данного показателя с 1994 г. по 2002 г., что объяснимо недоверием населения к российским банкам и государству после дефолта 1998 г.

В целом, данные о владении/совладении фирмой или предприятием, также как и о наличии в собственности ценных бумаг, демонстрируют активный процесс концентрации собственности в руках высших и высших средних социально-профессиональных групп. Напоминаем, что в нашем опросе не представлены элитные группы.

По уровню дохода наиболее обеспеченными социально-профессиональными слоями являются управляющие высшего звена и чиновники, а также предприниматели. Характерно, что доход чиновников, попавших в опрос, вдвое превосходит средний доход на одного человека в семьях предпринимателей. В большинстве случаев представители этих двух слоев помимо заработной платы получают предпринимательский доход, который в 2 - 3 раза увеличивает доходы их семей по сравнению с семьями остальных слоев. Что касается этих последних, начиная от управляющих среднего звена и высококвалифицированных профессионалов вплоть до неквалифицированных рабочих, здесь наблюдается отчетливая тенденция роста размера доходов по мере повышения профессионально-квалификационного и образовательного статуса. Если квалифицированные рабочие имели средний доход на члена семьи около 2300 руб., то средний доход в семьях высококвалифицированных профессионалов достигал 4200 руб. Самые же низкие доходы имели работники в сельском хозяйстве, а также городские неквалифицированные рабочие. Данные по средней заработной плате представителей рассматриваемых социальных слоев, иллюстрируют тенденцию роста заработной платы по мере повышения профессионально-квалификационного статуса респондентов. В то же время нельзя не отметить факт, что заработная плата у всех рассматриваемых групп выше, чем средний доход на члена семьи, а у некоторых групп она превышает доход в два, а то и в три раза (например, у предпринимателей, управляющих высшего звена). Это неудивительно, поскольку в состав семьи включались дети и пенсионеры, которые в большинстве случаев не имеют доходов.

Как наши сограждане воспринимают изменения своего социального положения в постсоветские годы? На этот вопрос отвечают материалы международного исследования, в котором с российской стороны участвовала М. Красильникова. По ее данным, в последнее 20-летие произошло заметное снижение субъективных самооценок социального статуса. Большинство россиян, как и жителей восточноевропейских стран, отмечают, что их общественное положение ухудшилось, соответственно даже усредненные показатели демонстрировали отрицательную динамику. Степень снижения социального самочувствия в России была наибольшей среди стран, в которых проводился опрос. В России к низшему слою себя относят 44,1% респондентов, в Польше - 28,1%; в России к высшему слою причисляют себя 4%, в Польше - 9,5%. Ощущение потерь, понесенных в ходе трансформационных процессов, в России гораздо интенсивнее, здесь наблюдается наибольшее смещение вниз, к низшим ступеням субъективно ощущаемой социальной структуры общества [32, с. 37 - 44]. Опросы Левада-Центра 2001 - 2004 гг. подтверждают анализ М. Красильниковой [33, с. 75, 80].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ключевский В.* История сословий в России. Петроград: 1918.
2. *Черникова Т.* Средневековое землевладение и проблемы феодализма в русской истории // Общественные науки и современность. 2005. NN 5, 6.
3. *Медушевский А.* Аграрные реформы в России: проекты и реализация // Мир России. 2007. N 1.
4. *Sorensen A.B.* Toward a sounder basis for class analysis // American Journal of Sociology. May 2000. 105(6).

5. *Wright E.* Class, Exploitation, and Economic Rents: Reflections on Sorensen's "SounderBasis" // *American Journal of Sociology.* May 2000. 105(6).
6. *Goldthorpe J.H.* Rent, class conflict, and class structure: A commentary on Sorensen // *American Journal of Sociology.* May 2000. 105(6).
7. *Goldthorpe J.* Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda // *Acta Sociologica.* 2002. N 45(3).
8. *Rueschemeyer D., Mahoney J.* A neo-utilitarian theory of class? // *American Journal of Sociology.* May 2000. 105(6).
9. *Grusky D., Weeden K.* Decomposition Without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis // *Acta Sociologica.* 2001. 44(3).
10. *Grusky D., Weeden K.* Class Analysis and the Heavy Weight of Convention // *Acta Sociologica.* 2002. 45(3).
11. *Scott J.* Social Class and Stratification in Late Modernity // *Acta Sociologica* 2002. 45(1).
12. *Ильин В.* Модели классовообразования в посткоммунистическом мире // *Мир России.* 2008. N 2.
13. *Гордон Л., Терехин А., Сиверцев М.* Выделение социально-демографических типов методами кластер-анализа и определение их связи с типами поведения / Рабочий класс, производственный коллектив, научно-техническая революция (некоторые проблемы социальной структуры). Материалы ко II Всесоюзной конференции по проблеме: "Изменение социальной структуры советского общества". М.: АН СССР, 1971.
14. *Загоруйко Н. Т., Заславская Т. И.* (ред.). Распознавание образов в социальных исследованиях. Новосибирск: Наука, 1968.
15. *Таганов И. Н., Шкаратан О. И.* Исследование социальных структур методом энтропийного анализа // *Вопросы философии.* 1969. N 5.
16. *Мертон Р. К.* Социальная теория и социальная структура // *Социол. исслед.* 1992. N 3.
17. *Blaui P.* Parameters of Social Structure // *American Sociological Review.* V. 39. 1974. N 5.
18. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
19. *Качанов Ю. Л., Шматко Н. А.* Как возможна социальная группа? (К проблеме реальности в социологии) // *Социол. исслед.* 1996. N 12.
20. *Шкаратан О. И.* Социальные реалии России начала 2000-х гг. Предварительные итоги представительного опроса россиян // *Мир России.* 2003. N 2.
21. *Шкаратан О. И., Ястребов Г. А.* Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России. Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г. Препринт WP7/2007/02. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
22. *Кивинен М.* Перспективы развития среднего класса в России // *Социологический журнал.* 1994. N 2.
23. *Шкаратан О. И.* Проблемы социальной структуры рабочего класса. М.: Мысль, 1970.
24. *Шкаратан О. И., Рукавишников В. О.* Социальные слои в классовой структуре социалистического общества // *Социол. исслед.* 1977. N 2.
25. *Shkaratan O.* Social Groups in the Working Class of a Developed Socialist Society // *Yanowitch M., Fisher W.A.* (eds.). *Social Stratification and Mobility in the USSR* // *International Journal of Sociology.* Spring - Summer 1973. N 1 - 2.
26. *Shkaratan O., Rukavishnikov V.* Social Strata in the Class Structure of Socialist Society (An Attempt at Theoretical Construction and Empirical Investigation) // *Yanowitch M.* (ed.) *The Social Structure of the USSR. Recent Soviet Studies.* N.Y.: M.E. Sharpe, Inc., 1986.
27. *Leiulfsrud H., Bison L, Jensherg H.* Social Class in Europe. *European Social Survey 2002/3 NTNU,* www.esf.org/newsrelease/21/ESSreport1.pdf
28. Россия - страна наемных рабочих. Коммерсантъ, 31 марта 2008.
29. *De Tinguy A.* La grande migration. La Russie et les Russes depuis l'ouverture du rideau de fer. Paris: Plon, 2004.
30. *Де Танги А.* Миграции российских квалифицированных специалистов: причины, проблемы перспективы // *Мир России.* 2007. N 1.
31. *Шкаратан О. И., Инясевский С. А.* Профессионалы и менеджеры в сфере занятости - положение и реальное поведение // *Социол. исслед.* 2006. N 12.
32. *Красильникова М. Д.* Социальная динамика в переходных обществах // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии.* 2004. N 5(73).
33. *Настроения, мнения и оценки населения* // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии.* 2004. N 1(69).